

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИСТЕРА ФОСДИКА

Эдгар Франклин

Эпоха научной романтики

Эпоха научной романтики

Эдгар Франклин

**Юмористические
приключения мистера Фосдика**

«Автор»

2023

Эдгар Франклин

Юмористические приключения мистера Фосдика / Эдгар Франклин — «Автор», 2023 — (Эпоха научной романтики)

Эти истории рассказывает несчастный мистер Григгс, сосед высокомерного и очень богатого изобретателя по имени Герберт Хокинс. Григгс говорит нам в начале первого рассказа: “Хокинс наполовину изобретатель, наполовину идиот”. По мере развития каждой истории мы обнаруживаем, что Григгс невольно оказывается втянутым в демонстрацию последнего изобретения Хокинса. Хокинс уверяет его, что они совершенно безопасны, но демонстрации неизменно заканчиваются катастрофой. Как выразился Григгс: “Когда одно из изобретений Хокинса заманивает вас в свои сети, вам приходится быстро принимать решения относительно способа смерти, который вы предпочли бы”. В этой книге пятнадцать великолепных рассказов американского писателя Эдгарда Франклина, который славился своим юмором и сатирой! Не пропустите несколько часов счастливой жизни!

© Эдгар Франклин, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Лошадиный тормоз Хокинса	5
П.В. двигатель Хокинса	11
Автоаэромобиль Хокинса	17
Насос без помпы Хокинса	24
Хокинсит	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдгар Франклин Юмористические приключения мистера Фосдика

Лошадиный тормоз Хокинса

Хокинс – отчасти изобретатель, а отчасти идиот.

У Хокинса есть деньги, что, как правило, сглаживает идиотизм; но в его случае они также дают волю его гению изобретательства, а это плохо.

Когда я решил построить хороший, тихий летний дом в Беркширах, я расплатился за землю до того, как узнал, что соседняя вилла принадлежит Хокинсу.

Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, моя загородная резиденция находилась бы где-нибудь в центральном Иллинойсе или западном Орегоне; но в то время мои знания о Хокинсе не простирались дальше того, что он жил в Нью-Йорке несколькими квартирами ниже меня и что каждое утро мы обменивались любезной улыбкой на станции L.

Однажды в августе прошлого года, освоив управление нашим маленьким автомобилем, моя жена отважилась отправиться в одиночку, чтобы повидаться с миссис Хокинс.

Я человек не беспокойный, но ремонт автомобиля – дело дорогое, и когда она отсутствовала около часа, я отправился к нашим соседям.

С облегчением обнаружив, что машина стоит перед дверью и, судя по всему, в полном порядке, я уже повернул назад, когда по дороге от конюшни рысью пронесся Хокинс.

– Как раз вовремя, Григгс, как раз вовремя! – воскликнул он с восторгом.

– Вовремя для чего?

– Первое испытание...

– Послушай, Хокинс... – начал я, готовясь бежать, ибо слишком хорошо знал значение этого огонька в его глазах.

– Лошадиного тормоза Хокинса! – закончил он с триумфом.

– Хокинс, – официально сказал я, – не хочу умалять ваших заслуг, но я очень отчетливо помню аэромотор Хокинса, который доставил вас на вершину клена и сбросил на мою драгоценную голову. Я также помню вашу бензиновую доильную установку, которая взорвалась и сожгла все шерстинки на правом боку моей лучшей ольдернийской коровы. Если вы хотите попробовать что-нибудь новенькое, воздержитесь от этого, пока я не смогу вывести свою бедную жену из-под удара.

Хокинс окинул меня взглядом, от которого завял бы и целый рядок стойких подсолнухов, и перевел глаза на конюшню.

С той стороны к нам что-то приближалось.

В основании этого нечто я узнал престарелую рабочую лошадь Хокинса, которую в шутку окрестили Мод С. Надстройка представляла собой самую удивительную систему механизмов, которую я когда-либо видел.

Четыре высоких стальных стержня торчали в воздух по четырем сторонам животного. Казалось, что они каким-то образом связаны с механизмом, пристегнутым к спинке седла.

Я полагаю, что устройство было достаточно простым, если разобраться, но, кроме того, что оно поразительно напоминало устройство часового механизма, я не смогу ничего рассказать.

– Этого будет достаточно, Патрик, – сказал Хокинс, взяв уздечку и с восторженной улыбкой рассматривая свою работу. – Ну, Григгс, скажи честно, что ты об этом думаешь?

– Честно говоря, – сказал я, – когда я смотрю на эту штуку, мне кажется, что я не способен думать.

– Я вполне ожидал, что она привлечет ваше внимание, – самодовольно ответил Хокинс. – А теперь просто посмотрите на эту вещь, Григгс. Отбросьте на минуту свои детские предрассудки и рассмотрите ее.

– Предположим, что этот тормоз установлен на разгоряченной лошади. Всадник потерял всякий контроль. Через минуту, если он не сможет остановить зверя, он будет сброшен на землю и превратится в мякиш. Что же он делает? Просто дергает за этот рычаг – и вот! Животное не может сдвинуться с места!

Его слова сопровождал жуткий клац-клац-клац, и стержни резко опустились. При движении вниз они каким-то образом успели нацепить на себя по два стальных манжета.

Когда они перестали опускаться, у Мод С. на каждой ноге оказалось по стальному пруту, с манжетой выше и манжетой ниже колена. Хокинс был совершенно прав – насколько я мог судить; Мод была зафиксирована до тех пор, пока какой-нибудь доброжелатель не принесет ножовку и не срежет ее кандалы.

– Видите, как это действует, в то время как она стоит на месте? – усмехался изобретатель, заменяя стержни. – Просто смотрите в оба и отмечайте, с какой внезапностью она перестанет бежать.

– Хокинс, – в отчаянии воскликнул я, когда он вел животное по дороге, – не надо так напрягаться из-за меня. Я прекрасно вижу, что все прошло успешно. Не надо больше пытаться.

– Мой дорогой Григгс, – холодно ответил Хокинс, – эта пробная поездка предназначена для моего личного удовольствия, а не для вашего. По правде говоря, я и не предполагал, что вы или кто-либо другой окажется здесь, чтобы стать свидетелем моего триумфа.

Он преодолел три-четыре сотни футов по дороге; затем повернул Мод носом в сторону дома и взобрался на ее спину.

Ожидая за изгородью, я переживал за старую кобылу. Хокинс, очевидно, намеревался заставить ее двигаться более быстрым шагом, чем тот, которым она ходила столько лет, и я опасался, что в ее преклонном возрасте это волнение может оказаться вредным.

Но Мод перешла в спокойный галоп, когда Хокинс несколько раз стукнул ее каблуками по ребрам, а ее добродушная морда при движении приобрела такое благостное выражение, что мне стало легче дышать.

– А теперь, Григгс! – крикнул Хокинс, проезжая рядом. – Смотри-смотри!

Он протянул одну руку назад, ухватился за рычаг и потянул его. Стержни остались в воздухе.

На лице Хокинса промелькнуло озадаченное выражение, и, проскакав мимо, он, кажется, еще раз потянул рычаг.

На этот раз что-то произошло.

Я услышал жужжание, похожее на гул лесопилки, и увидел, как изнутри механизма вылетело несколько ярдов стальной пружины. Я услышал бешеный возглас Мод С. На дороге внезапно взметнулась туча камешков и пыли, которую, как мне показалось, поднял разорвавшийся снаряд, и это было все.

Хокинс, Мод и эта адская машина неслись к уездному городку без всякого изящества, но почти со всей скоростью падающей звезды.

Несколько секунд я стоял в оцепенении.

Потом мне пришло в голову, что жена Хокинса впоследствии захочет узнать, какими были его предсмертные слова, и я с разбегу влетел в машину, развернул ее на месте, чуть не перепрыгнув живую изгородь, и таким образом начал гонку, воспоминания о которой будут преследовать меня, когда более великие вещи канут в забвение.

Мой автомобиль, хотя и не является гоночным, но в нем должны были быть установлены довольно мощные скоростные механизмы, но при попытке перегнать эту старую кобылу двигателю пришлось приложить немало усилий.

Было совершенно очевидно, что что-то – возможно, праведное негодование по поводу того, что я стал жертвой одного из экспериментов Хокинса, – пробудило скрытого дьявола в Мод С. Ее копыта злобно молотили грязь у подножия холма, прежде чем я начал свой леденящий кровь вираж на вершине.

Как под солнцем что-то может ехать быстрее, чем этот автомобиль, я не представляю; но когда я снова выехал на ровную поверхность и вознес молитву благодарности за то, что мудрый Провидец пощадил мою жизнь на холме, Хокинс, как оказалось, все еще лидировал.

О том, что он несся как ураган, свидетельствовали следы обезумевших от страха кур и лающих собак, которые только-только приходили в себя, когда я настиг их.

Я перевел рычаг на последнюю отметку.

Боже мой, как поехала эта машина! Ее раскачивало от одной стороны дороги к другой. Она перепрыгивала через огромные камни и пыталась свернуть в кюветы, явно намереваясь сбросить меня в пропасть.

Она фыркала и пыхла, дребезжала и скользила, но, главное, она ехала!

Бесполезно пытаться описать свои впечатления в первые полмили, да я и не знаю, что они у меня были. Но через некоторое время я приблизился к Хокинсу и, наконец, оказался в тридцати футах от скачущей Мод.

Лицо Хокинса было бледным и застывшим, он страдальчески подпрыгивал, рискуя шеей при каждом прыжке, но одной рукой он, как в смертельной хватке, держал рычаг тормозов лошади.

– Прыгай! – крикнул я. – Спрыгивай!

Хокинс посмотрел на меня с таким выражением, какое, должно быть, было у первых христиан, когда их выводили на арену.

– Нет, – крикнул он. – Все в порядке. Через минуту все заработает.

– Нет, не сработает! Прыгай, ради всего святого, прыгай!

Я думаю, что Хокинс уже собирался что-то ответить, но тут произошел особенно сильный рывок, от которого у него перехватило дыхание. Он крепче ухватился за уздечку и больше ничего не произнес.

Я не знал, что делать. С каждой минутой мы приближались к городу, где в течение всего дня довольно интенсивное движение.

До сих пор путь был свободен, но еще через пять минут столкновение станет почти неизбежным, как закат.

Я пытался вспомнить, как в "Первой помощи пострадавшему" лечат проломленные черепа и сломанные спины, и благодарил Бога, что в городе найдется только один автомобиль, который завершит процесс расчленения останков Хокинса, если те вывалятся на дорогу после столкновения.

А так ли будет? Я оглянулся назад и задохнулся. К преследованию присоединились другие, и я был всего лишь авангардом процессии.

В двадцати футах позади вырисовывалась черная морда рысака Эноса Джексона, а за ним – Джексон в своей маленькой дорожной тележке. Позади него три велосипедиста заполняли промежуток между дорожной тележкой и коляской доктора Бразертонна.

Мне стало немного легче, когда я увидел там Бразертонна. Он вправлял ногу моему наемному работнику два года назад и сделал великолепную работу.

За Бразертонном ехала еще какая-то кавалькада, хотя из-за пыли она была видна лишь мельком; но я увидел достаточно, чтобы понять: если тормоз Хокинса сработает, а кобыла

Хокинса внезапно остановится, на дороге будет такое месиво из людей и всяких предметов, что по своей хаотичности оно сравнится с крушением грузового поезда среднего размера.

Мод не сбавляла темпа, и я изо всех сил старался не отставать.

К этому времени я понял причину ее безумного бегства. Когда в тормозном механизме произошел некий сбой, зазубренный кусок латуни впился ей в бок, да так и остался, с добросовестной регулярностью вонзаясь в бедное старое животное при каждом рывке.

Я все еще пытался придумать, как отвязать эту штуку и убедить Мод сбавить скорость, когда мы въехали в город.

Сначала дома проносились мимо с интервалом в две-три секунды, но не прошло и полминуты, как мы увидели площадь и здание суда. Мы создавали немалый ажиотаж. Люди неистово кричали нам из подъездов, окон и с тротуара.

Время от времени на дорогу выскакивал человек, чтобы остановить Мод, но, подумав, снова исчезал.

Один неадекватный человек бросил на дорогу решетку забора. Мод это ничуть не обеспокоило, так как она оказалась в воздухе, преодолевая эту точку, но когда машина перелетела через перила, у меня чуть зубы не выбило.

Другой парень подбежал, размахивая над головой скрученной в много витков веревкой. Думаю, Мод впилась в него своим огненным взглядом, потому что, прежде чем он успел бросить веревку, нервы его сдали, и он попятился назад в безопасное место.

Те, у кого на площади были привязаны упряжки, спешили убраться подальше от опасности, и когда мы промчались мимо здания суда, на дороге оставалась только одна повозка.

Она принадлежала констеблю Беркетту. Город платит Беркетту процент с выполненной им работы, а Беркетт очень любит искать новые дела.

– Останавливайтесь! – крикнул он, когда мы подъехали. – Стойте!

Никто не останавливался.

– Остановитесь, или я арестую всех вас за быструю езду! – прорычал Беркетт, схватив поводья и хлыст.

И с этими словами он выскочил на дорогу позади Эноса Джексона и вытеснил велосипедистов на обочину.

Наш уездный городок невелик, и при том темпе, который задавала Мод, нам не потребовалось много времени, чтобы добраться до дальнего края и выехать на шоссе, ведущее, как известно, в Бостон.

Я начал смутно догадываться, донесет ли нас ветер Мод, моя машина и бензин до Бостона, и если да, то что будет, когда мы пересечем город.

За Бостоном, как вы знаете, находится Атлантический океан.

На этом этапе моих размышлений мы начали спускаться по склону к большой маслобойне.

Здание расположено справа от дороги. Слева довольно крутая травянистая насыпь спускается примерно на тридцать футов к маленькой речке.

В этот прекрасный солнечный день на обочине дороги, на самом краю насыпи, проветривались молочные бидоны, около сотни штук; когда мы мчались вниз, я мрачно улыбался, думая о том, что Мод могла бы дополнить свое выступление привлекательной деталью, выбив десяток-другой бидонов в реку, когда она будет проезжать мимо.

Однако Мод, приблизившись к бидонам, продолжала ехать ровно посередине дороги и вдруг остановилась!

Боже мой! Она остановилась так резко, что у меня перехватило дыхание. В одно мгновение стальные прутья опустились на место возле ее ног, манжеты защелкнулись, и лошадиный тормоз Хокинса наконец-то сработал!

Бедная старушка Мод! Она проскользила несколько ярдов на негнущихся конечностях, визжа от ужаса, а затем рухнула на землю, как перевернувшаяся игрушечная лошадка.

Хокинс улетел в космос, и в тот момент мне было совершенно безразлично, где он приземлится. Я смутно осознавал, что он сталкивается лоб в лоб с рядом молочных банок, но главным моим желанием было отключить питание, нажать на тормоз, направить машину в кювет и выпрыгнуть.

И все это я сделал примерно за одну секунду.

После прыжка мои воспоминания становятся туманными. Я знаю, что одна моя нога угодила в открытый молочный бидон, и что я дико хватался за несколько других. Затем я и бидоны опрокинулись вниз головой на насыпь и полетели вниз, вниз, вниз, вниз, а я все слабее и слабее слышал что-то вроде:

– Вау! Вау! Черт возьми! Ай! Остановите этого борова! Бах! Бряк! Бац! Бах! Ух ты! Может, хватит?

Потом мне на голову упал бидон с молоком, и я как бы улетел.

Есть основания полагать, что я очнулся минуты через две. Грохот закончился, и мир вновь воцарился на лике земли.

Вдалеке послышался топот копыт, принадлежавший, несомненно, кому-то из лошадей, участвовавших в недавнем происшествии.

Насыпь была усеяна людьми и молочными бидонами, в основном последними. Никто не выглядел абсолютно мертвым, хотя один или два человека были очень близки к этому.

В нескольких футах от них констебль Беркетт бился в конвульсиях, тщетно пытаясь извлечь свою черепную коробку из бидона с молоком. От звуков, доносившихся из этого бидона, я покраснел.

Джексон сидел и тупо смотрел на реку, а доктор Бразертон, в разорванном до воротника халате, выуживал из другого бидона обломки своей аптечки.

Остальные члены прежней процессии в разном состоянии разбрелись по набережной, но, как я уже говорил, никто, похоже, не расстался с искрой жизни.

Одного только Хокинса не было видно, и этот факт, когда я с трудом поднялся на ноги, сильно озадачил меня.

На берегу реки лежала груда молочных бидонов, и, надеясь найти останки изобретателя, я опрокинул их в поток. Под ними, растянувшись на холодной, чавкающей земле, безвольно болтая ногами в воде, в клочья изодранной одежде, с огромной шишкой на лбу, лежал Хокинс, оглушенный и истекающий кровью!

Когда я повернулся, чтобы позвать Бразертон, Хокинс открыл глаза.

Я не из тех, кто хранит обиду. Я чувствовал, что изобретение Хокинса само по себе стало страшным наказанием. Поэтому я как можно мягче помог ему подняться на ноги и стал ждать от него слов извинения.

– Видите ли, Григгс, – неуверенно начал Хокинс, – видите ли, храповик на большом колесе заклинило. Я поставлю туда новый храповик, и смажу маслом, побольше масла на...

– Хватит, Хокинс, – сказал я. – Возвращаемся домой.

– Да, но разве вы не понимаете, – простонал он, держась за свой разбитый череп, пока я помогал ему вернуться на дорогу, – если я доведу до совершенства эту маленькую деталь... она... она возродится...

– Не надо! – огрызнулся я. – Сиди здесь, пока я не посмотрю, что осталось от моего автомобиля.

Через десять минут, когда Патрик появился, чтобы взять на себя заботу о Мод С, мы с Хокинсом возвращались домой на автомобиле, который, к счастью, не пострадал.

Что-то в моем лице, видимо, наложило запрет на разговор, потому что Хокинс с оскорбленным достоинством обмотал вокруг себя испачканные обрывки своего одеяния и хранил молчание на тему лошадиных тормозов.

В дальнейшем я никогда не слышал об этой штуке. Возможно, миссис Хокинс удалось доказать ошибочность всей теории конных тормозов; на самом деле, судя по выражению ее лица, когда мы подошли к дому, я склонен думать, что так оно и было.

Миссис Хокинс иногда бывает решительной, и ее язык никоим образом не соответствует потребностям ее ума. Во всяком случае, мой друг из патентного бюро, которого я спрашивал об этом некоторое время назад, сказал мне, что лошадиный тормоз Хокинса никогда не был запатентован, так что я полагаю, что это изобретение лежит в могиле. Как гражданин, не лишенный духа ответственности, я осмелюсь добавить, что это является благом.

П.В. двигатель Хокинса

Моя жена не желает вдовства. Недавно она потребовала от меня торжественного обещания не помогать Хокинсу больше ни в каких его дьявольских изобретениях.

По той же причине его благоверная несколько вечеров назад отозвала меня в сторону и настояла на том, чтобы я пообещал использовать все средства, включая физическую силу, которые могли бы помешать ее "Герберту" продолжать эксперименты с его мотором.

Хокинс не посвящал меня ни в какие подробности о моторе, и при первой же возможности я с жестокой прямоотой заявил, что не желаю этого.

Хокинс с ледяной ясностью поинтересовался, что я имею в виду; но сама ледянность его манеры убедила меня в том, что он все прекрасно понял, и, полагая, что он достаточно обижен, чтобы держать в тайне все подробности о своей установке, какой бы она ни была, я вздохнул спокойнее.

На днях одно из изобретений Хокинса отправится с ним на экскурсию в тихую могилу, и у меня нет ни малейшего желания узнавать маршрут заранее.

Горький опыт научил меня, что постоянная бдительность – это цена свободы от соучастия в механических выдумках Хокинса, и мне следовало бы насторожиться. И все же, когда Хокинс появился в воскресенье утром и предложил мне совершить небольшую прогулку по Гудзону на его катере, я с бесхитростной доброжелательностью согласился.

Его катер был (а может быть, и сейчас остается) самым изящным из маленьких прогулочных катеров, и когда мы вышли из дома, я предвкушал несколько часов истинного наслаждения.

Когда мы пересекали Риверсайд-драйв, мне показалось, что Хокинс спешит, но приятный воздух, солнечный свет и прекрасная гладь реки наполнили мой разум бесконечным спокойствием, и только когда мы спустились к небольшому причалу, я почувствовал что-то похожее на запашок крысы.

Хокинс забрался в катер, и я благосклонно улыбнулся ему, передавая обед и наши пальто. Я как раз закончил передавать их, когда перестал улыбаться так внезапно, что у меня дрогнули мышцы лица.

– Куда делся двигатель? – спросил я.

– Этот двигатель, Григгс, – приятно ответил Хокинс, – отправился туда, куда отправятся все остальные паровые двигатели в течение ближайших двух лет – на свалку.

– Это очень радостное пророчество означает...

– Это значит, мой дорогой мальчик, что перед тобой стоит первая полноразмерная рабочая модель П.В. двигателя Хокинса, на которую подана заявка на патент!

Изобретатель откинул водонепроницаемую крышку и открыл в кормовой части судна то, что выглядело как перевернутый кипятильник. На первый взгляд это был просто купол из толстой стали, прикрученный к массивной плите, но я не стал долго разглядывать эту штуку.

– Вот, Григгс, – торжествуя начал Хокинс, – в этом маленьком...

– Хокинс, – отчаянно воскликнул я, – выходите из лодки! Убирайся из нее, я говорю! Немедленно возвращайся со мной домой. Я не собираюсь больше участвовать в твоих дурацких испытаниях. Пошли, или я тебя вытащу!

Хокинс с минуту смотрел на меня холодным взглядом, посоветовал не быть ослом и продолжил отвязывать шлюпку.

Он сильнее и тяжелее меня. Честно говоря, если бы я всерьез задумался о таком варианте, то не смог бы вытащить его из лодки.

Если бы я изучал медицину, то, наверное, знал бы, как оглушить Хокинса сверху, не убив его, но я никогда не видел даже внутренностей больницы.

Опять же, если бы я мог придумать какое-нибудь правдоподобное обвинение, я мог бы вызвать полицейского и попросить его заключить Хокинса под стражу; в данный момент, однако, я был слишком взволнован для такой изысканной стратегии.

Разумеется, я не мог помешать Хокинсу испытать свой мотор, но мое сердце дрогнуло при мысли о том, что мне придется сопровождать его.

С другой стороны, оно так же сильно трепетало перед перспективой вернуться к жене и признаться, что я позволил Хокинсу уплыть одному с его проклятым мотором.

Если я отправлюсь с ним, то меня ожидает относительно легкая смерть от утопления. Если нет, то его жена...

Я спустился в шлюпку.

– Вы плывете? – заметил Хокинс. – Вполне разумный поступок, Григгс. Вы никогда не пожалеете об этом.

– Видит Бог, надеюсь, что нет, – вздохнул я.

– Прежде всего, я хотел бы еще раз обратить ваше внимание на мотор. П. В. означает "почти вечный" – хорошее название, не правда ли? Вы плохо разбираетесь в химии, Григгс, а то бы я вам все объяснил.

– Однако главное в моем двигателе то, что он работает на жидкости, похожей на бензин – еще один продукт перегонки нефти, – которая, взорвавшись, попадает в мои новые и абсолютно уникальные каталитические конденсаторы, где возвращается к своей первоначальной молекулярной структуре и снова попадает в резервуар.

– Таким образом, – торжественно закончил Хокинс, – топливо сохраняет свою химическую целостность неограниченно долго, и, поскольку оно автоматически циркулирует через двигатель, маленький моторчик будет работать месяцами, не привлекая к себе ни малейшего внимания. Все понятно?

– Совершенно, – соврал я.

– Хорошо. Сейчас я покажу вам, как она заводится, – улыбнулся изобретатель, открывая ключом маленькую дверцу в промывочном котле и зажигая спичку.

– Осторожно, Хокинс, осторожно, – рискнул сказать я, отступая к кабине.

– Мой дорогой друг, – усмехнулся он, – неужели вы не понимаете, что в двигателе такой конструкции нет абсолютно никакой опасности...

В этот момент из промывочного котла донесся резкий звук. Из маленького отверстия показалась струя пламени, и Хокинс упал в мои объятия.

Во всяком случае, он приземлился туда от сильного толчка, и я крепко сжал его в руках, пытаясь выровнять шлюпку.

– Нога! Ногу! – закричал он. – Отпусти меня, идиот! Он всегда так делает! Теперь все работает.

Он был прав. Катер взбивал за собой необычный змеевидный след, а мотор яростно жужжал.

Хокинс нырнул к своему механизму, немного повозился с ним с излишней нервозностью и, наконец, сумел направить лодку вниз по течению как раз в тот момент, когда столкновение с Палисадами казалось неизбежным.

– На самом деле, Григгс, – заметил он, приглаживая взъерошенные волосы, – не стоит больше так вмешиваться. В прошлый раз мы, возможно, что-то задела.

– Мы действительно чуть не выкорчевали этот утес, – признал я.

После этого Хокинс игнорировал меня в течение трех минут. Затем его самообладание вернулось, и он начал рассуждать о достоинствах своего мотора.

Рассуждения были долгими, увлекательными и совершенно непонятными, как мне кажется, для всех, кроме Хокинса. Это продолжалось до тех пор, пока мы не миновали Батарей и не оказались в тени Губернаторского острова.

Тогда мне показалось, что настало время сказать:

– Мы ведь скоро повернем назад, не так ли, Хокинс?

– Повернем назад? Зачем?

– Ну, если мы идем вверх по Гудзону, то дальше в этом направлении нам не продвигаться.

– По Гудзону! – улыбнулся изобретатель. – Мы пройдем вокруг Сэнди-Хука, пообедаем и вернемся в город ровно в два. Григгс, это вам не просто лодка. Как ты думаешь, какую скорость может развить этот двигатель?

– Я сдаюсь.

– Сто узлов в час!

– В самом деле?

– Невероятно! Вы не верите, не так ли? – выпалил Хокинс, который, видимо, прочитал мои мысли. – Ну, она может сделать это легко. Я просто разгоню ее, чтобы показать вам.

Спорить с Хокинсом бесполезно. Я приберег дыхание на случай, если позже найду ему лучшее применение.

Хокинс отпер свою маленькую дверцу, поковырялся в механизмах и со спокойной улыбкой снова запер дверь.

Одновременно с этим катер словно выпрыгнул из воды, стремясь вырваться вперед. Несколько секунд катер трепыхался из стороны в сторону. Затем он успокоился и пошел таким аллюром, что я даже задохнулся.

Я не уверен, что мы делали сто узлов в час, но знаю, что никогда не ездил в экспрессе, который бы так спешил, как этот бедный катер, когда П.В. мотор Хокинса начал гнать его по воде.

Рассказ о нашем путешествии по Нарроузу и Нижнему заливу был бы интересен, но излишен. Хокинс сидел рядом со своей адской машиной, похожий на кавалериста, идущего в атаку. Я сидел на корточках в кабине и смотрел, как все проносится мимо.

Главное, что мы добрались до открытой воды, ничего не разбив и ни во что не врезавшись.

– Ну что ж, думаю, можно и развернуться, – сказал Хокинс, взглянув на часы. – Просто замечательно, как я теперь контролирую процесс управления. Все рулевое устройство находится в этом стальном куполе, вместе с двигателем, Григгс. Нет ничего, кроме этого маленького штурвала.

– Вы, наверное, заметили, что я установил его несколько минут назад, чтобы нас не сносило ветром, и с тех пор не трогал его. Теперь обратите внимание, как мы будем поворачивать назад.

Хокинс схватил свое маленькое колесико, выпятил грудь и сильно крутанул.

И штурвал выскочил, оставшись в руках Хокинса!

– Как же так... как же так..., – заикаясь от изумления, пролепетал он.

– Да, ты все же это сделал! – прорычал я. – Как, черт возьми, нам теперь вернуться?

– Ну-ка, Григгс, ну-ка, – сказал Хокинс, – не будьте таким по-детски нетерпеливым. Я просто снова открою этот ящик и буду управлять рулевым механизмом изнутри. Конечно, даже вы должны быть в состоянии понять это.

Спокойное высокомерие его голоса сводило с ума.

Пара моих чувств не поддавалась контролю.

Видит Бог, я не предполагал, что Хокинс будет нервничать, услышав их, но это случилось. Его руки тряслись, когда он возился с ключом от своего стального ящика, а при особо злобном моем замечании он выпрямился.

– Ну, Григгс, на этот раз именно ты загнал нас в яму! – простонал он.

– Каким образом?

– Ты заставил меня так нервничать, что я сорвал ключ в замке!

– Что! – вскричал я.

– Да, сэр. Мотор заблокирован, а топлива хватит на три месяца. Я не могу остановить его или переложить руль, не забравшись в корпус, и ничто, кроме динамита, не сможет пробить этот корпус!

– Значит, Хокинс, – сказал я, и на меня снизошло жуткое спокойствие, – нам придется идти прямо вперед, пока мы не врежемся во что-нибудь или нас не взорвут. Я прав?

– Совершенно верно, – вызывающе прорычал Хокинс. "И это все ваша вина!"

Я впился в изобретателя злобным взглядом, пока он не оставил попытку бравады и не отвел глаза.

– Мы... мы можем вернуться назад, знаете ли, – сказал он неопределенно, обращаясь к бризу.

– Шансы на это особенно велики из-за того, что вы настроили свой жалкий руль в соответствии с нынешним ветром? – спросил я. – Разве мы не можем разобрать деревянную конструкцию и соорудить что-нибудь вроде руля?

– Могли бы, – признался Хокинс, – если бы все не было приклепано моими собственными запатентованными заклепками, которые невозможно снять, как только они установлены.

Заклепки Хокинса действительно являются тем, за что себя выдают. Только одно обстоятельство задерживает их повсеместное внедрение. Их изготовление и установка обходятся чуть меньше одного доллара за штуку.

Но они остаются там, где их ставят, и я знал, что если деревянная конструкция катера держится на них, то вряд ли она развалится до Судного дня.

– Отличный кавардак, не правда ли, Хокинс? – сказал я.

– Могло быть и хуже.

– Гораздо хуже, – согласился я. – Мы могли бы беспомощно барахтаться в этих бушующих волнах, или шторм мог бы изнурять себя в попытках захлестнуть нас. Но, как бы то ни было, мы просто несемся по освещенным солнцем волнам с небывалой скоростью. Через день или два, Хокинс, мы увидим французский пейзаж, если не произойдет никаких происшествий, сойдем на берег и...

– Боже мой, Григгс! – воскликнул изобретатель, мгновенно загоревшись. – Вы знаете, а я и не подумал об этом? Дай-ка сообразить. Да, мой мальчик, при такой скорости мы будем в Бискайском заливе в понедельник вечером или во вторник утром, самое позднее. Подумай об этом, Григгс! Подумай о славе! Подумай о...

Я не мог больше думать об этом. Я знал, что если подумаю об этом еще десять секунд, то брошу Хокинса в море и сойду в могилу с убийством на своих руках.

На носу шлюпки, как можно дальше от ее хозяина, я, раздобыв пальто, сигары и бутерброд, присел на корточки, по возможности держась подальше от страшного ветра, высматривая возможное судно и поглощая пищу с растущим сомнением, вернусь ли я когда-нибудь в тот счастливый дом, где она была приготовлена.

Так я просидел до заката, и это был самый поздний закат, который я когда-либо наблюдал. Когда над одиноким океаном спустились сумерки, я молча вернулся к Хокинсу.

Он был в прекрасном расположении духа. Он беспрестанно болтал о поездке, планировал лекционный тур – "Через Атлантику за сорок часов", – создал акционерную компанию для производства своего мотора, предложил мне работать в лондонском агентстве с невероятным окладом, а на вырученные деньги построил себе роскошный особняк неподалеку от Центрального парка.

Наговорившись вдоволь, Хокинс сообщил мне, что от соленого воздуха его неизменно клонит в сон, и забрался в каюту, чтобы уснуть.

И он заснул. Я перестал что-либо понимать, но этот человек был настолько уверен в себе и своем непреднамеренном путешествии, что мирно храпел всю ночь.

А я – нет. Мне казалось, что последние часы пребывания в стране живых должны пройти в сознании, и я провел это страшное время темноты в более или менее молитвенной задумчивости.

Через несколько веков наступил рассвет. Я зажег еще одну сигару, устало перебрался на нос лодки и осмотрел воду.

Там было судно! Далеко, конечно, но оно шло так, что через пятнадцать минут мы должны были пересечь его путь.

Я сорвал с себя пальто, вскарабкался на маленькую палубу, обхватил одной рукой мачту и стал бешено размахивать руками.

Мы все ближе и ближе подходили к пароходу. Я все больше и больше боялся, что сигнал может остаться незамеченным или быть замеченным слишком поздно. Но это было не так.

На своем веку я перевидал немало отградных зрелищ, но никогда не видел ничего, что наполнило бы меня хотя бы половиной той радости, которую я испытал, поняв, что на пароходе спускают одну из лодок.

В том, что они это делают, сомнений не было. Через пять минут мы должны были быть достаточно близко к их катеру, чтобы доплыть до него.

Я нырнул на корму, чтобы разбудить Хокинса.

Он уже проснулся. Он стоял, взъерошенный и счастливый, вдыхая свежий воздух, и уже видел приближающуюся лодку.

– Уже готово? – спокойно спросил он.

– Что готово?

– Сообщение, – воскликнул Хокинс, изумленно открыв глаза. – Нам придется повозиться с ним, я полагаю.

– Хокинс, что это за новый идиотизм? – завопил я.

– Разумеется, мы собираемся передать на пароход несколько строк, чтобы рассказать всему миру о нашем путешествии, не так ли?

Прошло несколько секунд, прежде чем до моего мозга дошел весь ужасный смысл его слов.

– Вы хотите сказать, – прорычал я, – что не собираетесь перебраться на этот пароход?

– Разумеется, я хочу сказать именно это, – жестко ответил он. – Дайте мне вашу авто-ручку, Григс.

Я бросил один взгляд на лодку. Другой – на Хокинса. Затем я обхватил его за талию и бросился со всей душой выполнять свою задачу – выбросить его за борт.

Хокинс, как я уже говорил, тяжелее меня. Он пытался и напрягся, тянул и тащил меня, ругаясь при этом как солдат. Но ни один из нас не сдвинулся ни на дюйм.

Корабль приближался и приближался, все ближе и ближе. Еще тридцать секунд, и мы пронесемся мимо него навсегда. Мысль о том, что мы можем потерять этот шанс на спасение, почти сводила меня с ума.

Я как раз собрал все свои силы для последнего рывка, когда в середине спины возникла самая мучительная боль, которую я когда-либо испытывал. Что-то словно подняло меня над катером с Хокинсом на руках, откуда-то послышался глухой звук, и мы вместе упали прямо на поверхность сверкающего Атлантического океана!

Хокинса подхватили первым. Когда я всплыл на поверхность, два темнокожих моряка тащили его, борясь и ругаясь, и неистово показывали на горизонт, куда со скоростью ветра уносилась его шляпка.

Честь нашего спасения выпала французскому лайнеру "Ла Франс". В среду утром он доставил нас в Нью-Йорк.

За всем этим рассказом скрываются мучительные воспоминания. Я не боец, но могу с уверенностью сказать, что когда моя жена и миссис Хокинс высказали мне свое общее мнение по поводу невыполненных обещаний, только их пол спас их от личного оскорбления.

Вина, похоже, полностью лежала на мне. По крайней мере, Хокинс в тот момент оказался не при делах.

Как раз в момент этого эмоционального разговора Хокинс был занят в своей мастерской – что-то дорабатывал.

Похоже, что двигатель все-таки стал нашим спасением. Хокинс говорит, что часть энергии наверняка выплеснулась из самой машины и сорвала стальной купол с фундамента.

Уверен, что энергии было предостаточно, когда он ударил меня; в этой части моей анатомии у меня каждый промозглый день возникают боли.

О выходе судна в море ничего не сообщалось, что, вероятно, и хорошо.

Возможно, оно достигло Полярного моря и сейчас разбивается о льдины. Возможно, оно наводит ужас на племя каннибалов в южных океанах, нанося вмятины на береговую линию их острова.

Где бы ни находилась эта маленькая бедная лодка, в ней хранятся одиннадцать моих лучших сигар, большая часть сытного обеда и, что, на мой взгляд, не столь важно, единственный существующий образец того, что Хокинс все еще считает идеальным устройством для получения энергии.

Автоэромобиль Хокинса

Мы сидели на крыльце моего дома и спокойно курили в лучах заходящего солнца, когда Хокинс вышел из минутной задумчивости и заметил:

– А если бы тело было сделано из алюминия, оно было бы гораздо легче и таким же прочным, не так ли?

– Возможно, Хокинс, – ответил я, – но при этом оно было бы очень скованным и неудобным. Только представьте себе, как будут хрустеть и гнуться алюминиевые колени при подъеме и спуске по лестнице, и какую непосильную работу придется проделывать, приспособивая свой алюминиевый позвоночник к спинке стула.

– Нет, нет, нет, нет, – нетерпеливо воскликнул Хокинс. – Я не имею в виду человеческое тело, Григгс; я...

– Я рад это слышать, – сказал я. – Не надо изобретать алюминиевого человека, Хокинс. Старые добрые плоть и кости вполне удовлетворяют требованиям последних нескольких тысяч лет, и было бы разумнее, если бы вы обратили свои особые таланты на...

– Вот, вот! Вот так! – огрызнулся изобретатель, резко выпрямившись и отбросив сигару. – Уже не в первый раз ваш дурной юмор мешает вам воспринимать новые идеи, Григгс. Кстати, могу заметить, что я имел в виду корпус автомобиля. Доброго вечера!

После этого Хокинс зашагал по дороге в направлении своего летнего дома, а я на минуту задумался, не являются ли его слова пророчеством будущих неприятностей.

Когда на его изобретательский гений бросают упреки, Хокинс быстро приходит в ярость, но обычно он готов простить и забыть. Поэтому меня поразило, что прошло целых две недели без появления его приветливого лица на моей территории.

Это были действительно две недели спокойствия, но я уже начал подумывать о том, что мне лучше зайти и попросить прощения за свое легкомыслие, когда в одно прекрасное утро Хокинс подъехал к дому на огромном, новом, красном автомобиле.

Он был сконструирован таким образом, что два задних сиденья можно по желанию откинуть, превратив его в экипаж для двоих, и единственной особенностью, на которую я обратил внимание, был странного вида крыша или козырек.

– Ну, как вам она? – спросил Хокинс с некоторой гордостью.

– Отличная машина, – восхищенно ответил я.

– Корпус сделан из алюминия, – продолжил изобретатель. – Прыгайте в нее и прочувствуйте ее действие.

Как я уже сказал, за исключением козырька, машина выглядела как обычный туристический автомобиль, и мне надоело валяться в гамаке. Не раздумывая, я забрался внутрь рядом с Хокинсом, и он повернул обратно к дороге.

Машина действительно работала великолепно. Я никогда не ездил на машине, которая была бы настолько безразлична к неровностям.

Когда мы подъезжали к холму, мы просто перелетали через него. Если мы попадали на неудобный крутой поворот, машина, казалось, поднималась и срезала его, почти не виляя.

Один или два раза я замечал, что Хокинс намеренно съезжал с дороги на большие камни, но машина самым необычным образом просто касалась их и отскакивала, ни разу не ударившись.

Более того, после двух миль езды по довольно тяжелой дороге я вдруг понял, что не ощутил ни малейшей тряски.

– Хокинс, – заметил я, – человек, который сделал рессоры под этой штукой, должно быть, был волшебником.

– Так, так! – сказал изобретатель. – Наконец-то вы поняли, что в этом автомобиле есть что-то необычное, не так ли? Но это не пружины, мой дорогой мальчик, это не пружины!

– Что же это такое?

– Григгс, – сказал Хокинс, глядя на меня, – ты едешь в первом и единственном автоаэромобиле Хокинса! Вот что это такое!

– Еще одно изобретение! – воскликнул я.

– Да, еще одно изобретение. Какого черта ты побледнел?

– Ну, ваши изобретения, Хокинс...

– Не будьте таким трусом, Григгс. Если не считать того, что я сделал кузов из алюминия, это обычный автомобиль. Изобретение заключается в крыше. Это воздушный шар!

– Это... это? – слабо сказал я.

– Да, сэр. Только сейчас это воздушный шар, в котором недостаточно газа, чтобы уравновесить гравитационное притяжение машины и нас самих. У меня есть два баллона со сжатым газом, все еще соединенные с ним. Когда я автоматически пушу их в шар, а затем автоматически сброшу сами железные баллоны на дорогу, мы будем нестись над землей, потому что шар будет просто нести все содержимое.

– Ну, не тратьте зря столько хорошего газа, Хокинс, – поспешно сказал я. – Я отлично понимаю, как нам без него обойтись.

– Не беспокойтесь о топливе, – безмятежно улыбнулся Хокинс. – Он практически ничего не стоит. Вот! Один из баллонов уже разряжается.

Я робко взглянул наверх. Действительно, козырек медленно расширялся и принимал сферическую форму.

Вскоре раздался стук, свидетельствующий о том, что Хокинс сбросил баллон. Тогда он потянул за другой рычаг, и процесс повторился.

Когда упал второй баллон, мы поднялись в воздух почти на фут. При этом мы продолжали двигаться вперед, и это вызывало недоумение.

– Как так получается, Хокинс, – спросил я, – что мы продолжаем двигаться вперед, когда касаемся земли не чаще, чем раз в сто футов?

– Это все пропеллер, – усмехнулся изобретатель. – Я поставил пропеллер сзади, так что машина стала почти дирижаблем. О, могу вам сказать, Григгс, что в автоаэромобиле Хокинса нет ничего недостающего.

Когда я оправился от первого нервного потрясения, конструкция действительно не показала мне такой уж опасной.

Мы передвигались длинными, невысокими прыжками, машина редко поднималась более чем на фут от земли, и само движение было, конечно, неповторимым и довольно приятным.

Тем не менее я испытывал навязчивый страх перед всем, что было изобретено Хокинсом, и мой разум настойчиво возвращался к мыслям о доме.

– Вы ведь не собираетесь в город, Хокинс? – спросил я с той беспечностью, которую мог изобразить.

– Только на минуту. Я хочу купить сигары.

– Хокинс, – пробормотал я, – вы довольно тяжелый человек. Когда вы выйдете из этого дирижабля, он ведь не взлетит в небо вместе со мной?

– Если бы я вышел, то взлетел бы, – с приятной уверенностью ответил изобретатель. – Но я не собираюсь выходить. Лучше пусть сигарный мастер принесет нам товар.

Значит, она поднимется, если хоть один предмет покинет машину! Это была пища для размышлений.

А что, если Хокинс, управлявший машиной в соответствии с журнальными фотографиями шоферов-гонщиков, наклонившись далеко вперед, вывалится на дорогу? А может быть, шальной ветерок наклонит машину и выкинет какую-нибудь деталь?

Несомненно, мы должны были подняться вверх, и казалось, что там, наверху, открытое пространство, по которому мы можем ехать бесконечно долго, не задевая ничего, что могло бы помешать нашему небесному путешествию.

– Как вы выпускаете газ из воздушного шара, Хокинс? – спросил я.

– О, кран находится внизу, под аппаратом", – коротко ответил тот. "Не волнуйтесь, Григгс. Ведь я здесь.

Вот, вкратце, то, что меня настораживало, но, похоже, сказать больше было нечего. Я снова погрузился в молчание.

Мы вкатились, или вплыли, или впрыгнули, или как это еще можно назвать, в город без происшествий и инцидентов. Люди с интересом наблюдали за кенгуриными выходками нашей машины, а у одной или двух лошадей после первого взгляда на нее тут же развился *furor transitorius* (скоропреходящее состояние возбуждения); но Хокинсу удалось остановиться перед своим сигарным магазином, который находился на окраине города, не вызвав никаких серьезных беспорядков.

Забрав на борт сигары, я рассчитывал повернуться в сторону дома. Но не тут-то было.

– Сейчас мы спустимся на площадь, – бодро кричал он, – сделаем поворот перед зданием суда, проплывем прямо над городом, а потом унесемся домой. Думаю, это заставит туземцев посудачить, а, Григгс?

– Ваши штучки обычно приводят именно к этому, Хокинс, – вздохнул я. – Но зачем демонстрировать что-то сегодня? Это только первая пробная поездка. Что-нибудь может пойти не так.

– Мой дорогой мальчик, – рассмеялся изобретатель, – это одна из тех пробных поездок, которые просто не могут пойти не так, потому что каждая деталь отработана до совершенства. На этом все было решено, мы отправились на площадь.

Площадь, надо заметить, находится в центре города. С одной стороны располагается здание суда, с другой – почтовое отделение, а сама площадь представляет собой ухоженную лужайку.

Мы как раз находились на лужайке, когда мне показалось, что я услышал какой-то стук.

– Что это за шум, Хокинс? – спросил я.

– Отставить. Что-то в механизме. Ничего страшного.

– Но мне кажется, что я чувствую необычную вибрацию в машине, – продолжал я.

– Вы, похоже, чувствуете очень много несуществующих вещей, Григгс, – заметил Хокинс с оттенком презрения.

– Но...

– Эй, мистер! – крикнул маленький мальчик. – Эй! У вас отваливается заднее сиденье!

– Что он сказал? – пробормотал Хокинс, слишком увлеченный своим делом, чтобы повернуть голову.

– Эй! Эй! – закричал мальчик, преследуя нас. – Заднее сиденье отвалилось!

– Что! – вскричал Хокинс, крутясь на месте. – Боже правый! Так и есть! Лови, Григгс, лови быстрее!

Я повернулся. Мальчик был прав. Задние сиденья автомобиля успели отсоединиться.

Действительно, когда мы посмотрели на них, оказалось, что они висят на одном болте, головка которого отсутствовала.

– Григгс! Григгс! – кричал Хокинс, пытаясь заглушить двигатель. – Хватайся за сиденья, пока они не упали! Я не прикручивал их гаечным ключом, только руками, но я предполагал, что они держатся очень крепко. Боже! Если они упадут, мы улетим...

Как раз в этот момент резкий толчок отправил сиденья на дорогу.

Двести фунтов твердого материала покинули аэромобиль Хокинса!

Хокинсу не пришлось заканчивать фразу.

Стало до боли ясно, куда именно мы должны направиться.

Мы поднимались вверх!

Вверх, вверх, вверх! От неожиданности мне показалось, что мы летим прямо на полуденное солнце, что еще тридцать секунд – и мы будем жариться в солнечном пламени.

Схватившись за край подушки, я, кажется, вскрикнул от ужаса.

Но Хокинс, как ни был он напуган, не потерял голову. Машина не перевернулась. Она медленно поднималась в обычном положении, и, по правде говоря, мы поднялись не более чем на тридцать футов, когда Хокинс заметил, трясаясь:

– Так, так, Григгс! Сиди спокойно! Все в порядке. Мы в безопасности!

– В безопасности! – прохрипел я, когда дыхание восстановилось. – Выглядит так, как будто мы в безопасности, а?

– Неважно, как это выглядит, Григгс. Мы в безопасности. Винт работает.

– И что это нам даст? – спросил я.

– Что ж! – воскликнул изобретатель, взяв себя в руки. – Мы просто долетим до крыши какого-нибудь дома и сядем.

– При условии, что эта проклятая штуковина не снесет нас раньше!

– О, это не так, – улыбнулся Хокинс, снова усаживаясь за свой механизм. – Дорогой мой, Григгс, посмотри, какая толпа!

Толпа действительно была. Они возникли мгновенно и мчались под нами по дороге, совершенно не обращая внимания на знаки "Не ходить по траве".

– Как они будут плясать, когда мы ступим на крышу, не правда ли? – заметил Хокинс.

– Если мы не ступим им на голову! – буркнул я. – Держись подальше от телеграфных проводов, Хокинс.

– Да, да, конечно, – сказал изобретатель, нервно оглядывая тридцать или сорок проводов, протянутых прямо через наш путь. – Странно, что эта штука не реагирует более энергично!

– Ну так заставьте ее реагировать! – взволнованно воскликнул я, так как провода находились в опасной близости.

– Я делаю все возможное, Григгс, – ворчал изобретатель, крутя то одно, то другое колесо и дергая за рычаг. – Не волнуйся, мы проплывем над ними. Мы просто... черт!

Мягко покачиваясь, машина остановилась. Мы заземлились, так сказать, на телеграфные провода.

– Вот и конец этой пробной поездке! – едко заметил я. едко заметил я. – Эпилог будет состоять из картины, которую мы создадим, разбрасывая наши мозги по зеленой траве внизу.

– Ой, тьфу, тьфу! – сказал Хокинс. – Ничего серьезного. Я просто включу пропеллер на реверс, и мы поплывем назад.

– Ну, подожди минутку, прежде чем запустить его, – сказал я. – Они что-то кричат.

– Не прыгайте! Не прыгайте! – кричала толпа.

– Кто, черт возьми, собирается прыгать? – сердито ответил Хокинс, перегнувшись через борт.

– Дураки! – заметил он обращаясь ко мне.

– Крюк и лестница уже на подходе! – продолжал задорный голос.

– Ну, что ж, они получают по заслугам, – огрызнулся Хокинс. – Мы будем на земле раньше, чем они сюда доберутся.

– Почему бы не подождать? – сказал я. – Так мы точно спустимся в целости и сохранности, и неизвестно, что можно натворить, запуская механизм. В нем запутались провода, и они могут оборваться и утащить нас вниз, или покалечить нас, Хокинс.

– Кряк! Кряк! Кряк! – кисло ответил Хокинс. – Продолжай крякать до самой смерти, Григгс. Если кто-нибудь когда-нибудь объявит конкурс на пессимистичного алармиста, послу-

шайте моего совета и участвуйте в нем. Вы выиграете. Я собираюсь запустить двигатель и выбраться из этого места.

Он потянул за рычаг заднего хода, и двигатель весело зажужжал. Машина издала серию нездоровых судорожных содроганий, но не сдвинулась с места.

Из толпы донеслось: "Эй! Эй!".

– О, посмотрите, о чем они сейчас воют, – прорычал Хокинс.

Причина их воя стала очевидной.

Пинг! Пинг! Пин! Один за другим, перерезанные машиной на две части, телеграфные провода обрывались!

– Прекратите! Прекратите, Хокинс! – кричал я. – Вы портите провода!

– А что, если так и будет? Это позволит нам выбраться, не так ли?

– Видите ли, – сурово сказал я, – если вдруг мудрое Провидение уберезет нас от того, чтобы нас сорвало вниз и разнесло на куски, подумайте о счете за ремонт, который вам придется оплатить. Остановите двигатель, Хокинс, или я сделаю это сам.

– Хорошо... – с сомнением произнес изобретатель. – Ну вот! Теперь будьте довольны. Я остановил его, и мы будем ждать, пока нас спустят по лестнице, как пару сбитых с толку итальянок во время пожара в доходном доме.

Хокинс сидел, угрюмо нахмурившись. Я с облегчением вздохнул и стал осматривать местность на предмет появления лестницы.

Однако ее долго не было. А пока мы висели в пространстве: над нами – резвящийся воздушный шар, а внизу – мотор Хокинса, предусмотрительно оставивший невредимым небольшую часть имущества телеграфной компании, шесть телеграфных проводов и бурлящая толпа.

Но лестница была уже не за горами, и мы казались в полной безопасности, пока...

– Что это шипит, Хокинс? – спросил я.

– Не знаю, – мрачно ответил он.

– Тогда почему бы вам не попытаться выяснить это? – резко сказал я. – Мне кажется, что мы очень сильно зависим от этих проводов.

– В самом деле?

– Да.

Я бросил взгляд на полог воздушного шара.

– Великий Скотт, Хокинс, шар пропускает воздух!

– А? Что? – вскричал он, внезапно воодушевившись. – Где, Григгс, где?

– Я не знаю. Но именно это и происходит. Посмотрите, как провисают провода – с каждой секундой все больше и больше.

– Призрак Великого Цезаря! Прислушайтесь. Да, провода, должно быть, задели аварийный клапан. Газ просто вытекает из баллона. И машина становится все тяжелее и тяжелее. А мы просто упираемся в эти шесть проводов, Григгс! О, Господи!

– А сейчас, Хокинс, мы порвем провода и упадем? – предположил я с вынужденным спокойствием.

– Да, да! – вскричал изобретатель. – Что же нам делать, Григгс, что же нам делать?

Как я ни был напуган, я не понимал, чего можно добиться истерикой.

– Я полагаю, – сказал я, – что самое лучшее – это сидеть тихо и ждать конца.

– Да, но подумай, парень, подумай об этом ужасном падении! На сорок футов, если в дюймах!

– Полно.

– Да нас просто разнесет в щепки!

– Возможно.

– Вот идиоты! Идиоты! – бушевал Хокинс, потрясая кулаками над толпой. – Почему они не взяли с собой пожарную сеть? Почему ни у кого из них не хватило ума достать ее? Тогда мы могли бы прыгнуть.

Дзынь! Первый из шести тросов оборвался.

Дзынь! Второй последовал его примеру.

Теперь автоаэромобиль Хокинса очень изящно балансировал на четырех тонких тросах, а воздушный шар уменьшался с душераздирающей быстротой. Снизу доносились звуки волнения, то тут, то там раздавались сдавленные стоны, а затем и крики ужаса, когда кто-то из вновь прибывших осознал наше положение.

– Хокинс, – торжественно сказал я, – почему бы тебе прямо сейчас не дать клятву, что если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми...

Дзынь! – прозвучал третий сигнал. Машина на мгновение мягко покачнулась.

– Ты никогда не будешь ничего изобретать, пока жив?

– Григгс, – дрожащим тоном сказал Хокинс, – я почти верю, что ты совершенно прав. Где на земле может быть этот крюк и лестница? Да, вы правы. Я это сделаю... Ты их уже видишь, Григгс? Я сделаю это! Я клянусь...

Дзынь! Дзынь! Дзынь!

Все еще сидя на кресле, я почувствовал, как сердце буквально подскочило к горлу. Глаза закрылись от внезапного порыва ветра. Руки бешено задергались.

На одну бесконечно малую секунду я был поражен гробовой неподвижностью всего вокруг. Затем рев тысячи голосов почти оглушил меня, сиденье, казалось, с силой подбросило меня в воздух, и еще одно короткое мгновение я летел сквозь пространство. Потом мои руки вцепились в чьи-то волосы, и я рухнул на землю, а под мной оказался услужливый крепкий мужчина.

И я понял, что еще жив!

Ну, упал автомобиль – ничего не поделаешь. Добрые руки поставили меня на ноги. Смутно я осознал, что доктор Бразертон, наш врач, быстро пробегает пальцами по моему телу.

Позже он обратился ко мне сквозь дымку сонного сознания и сказал, что ни одна кость не сломана. Я помню, как глупо улыбнулся и вежливо поблагодарил его.

В двадцати футах от меня Хокинс оживленно болтал с толпой любопытных граждан. Его лицо было в ссадинах практически до неузнаваемости, но он, очевидно, тоже находился по эту сторону реки Иордан, и я почувствовал слабое раздражение от того, что автоаэромобиль не покончил с ним.

Мои мозги, видимо, еще некоторое время оставались в воздухе, чтобы в последний раз осмотреть место, где закончился наш воздушный полет. Конечно, они не вернулись полностью, пока я не обнаружил себя сидящим рядом с Хокинсом в коляске Бразертонна.

Мы как раз проезжали мимо груды красного металлолома, который когда-то был автомобилем, и изумленная толпа расступалась, чтобы пропустить нас.

– Ну, вот и конец твоему автоаэромобилю, Хокинс, – заметил я с чувством глубокого удовлетворения.

– О да, опыт стоит дорого, но он прекрасный учитель, – ответил изобретатель, убирая мокрую тряпку с сильно порезанной верхней губы, чтобы можно было говорить. – Когда я построю следующий...

– Перед тем как построить следующий, вам придется развестись, – добавил я с еще большим наслаждением, представляя в воображении оживленную домашнюю перепалку, которая ожидает Хокинса.

Если его прекрасная леди узнает о том, что творится в его "мастерской", Хокинс редко изобретает одно и то же дважды.

– Ну, тогда, если я буду строить еще один, – поправил Хокинс, внезапно отрезвившись, – я буду стараться вообще не использовать это нижнее расположение. Я расположу клапан воздушного шара так, чтобы до него было легче добраться. Я...

– Мистер Хокинс, – резко сказал Бразертон, – я, кажется, просил вас держать тряпку у рта, пока я не доставлю вас туда, где смогу зашить губу.

Помимо медицинского значения, мне показалось, что это замечание свидетельствует о здоровом и разумном подходе Бразертонна.

Насос без помпы Хокинса

Есть люди, которых опыт ничему не учит.

Хокинс – один из них, я – второй.

Что касается Хокинса, то я почти уверен, что в его беде виновато какое-то непонятное психическое отклонение; со своей стороны, я склонен винить свою доверчивость и мнительность.

Когда кухарка и горничная Хокинсов приехали "на свидание" и увлекли наш домашний персонал на какой-то праздник, я должен был увидеть, как рука судьбы шарит по моей территории, очищая сцену, чтобы оставить меня, одинокого и незащищенного, в обществе Хокинса.

Более того, когда миссис Хокинс приехала с Патриком, чтобы отвезти мою жену на чай-то послеполуденный обед, и привезла мне послание от своего "Герберта" с просьбой приехать и помочь ему в борьбе с демоном одиночества, я должен был понять, что судьба основательно вцепилась в меня.

К этому времени я уже должен был понимать, что, когда Хокинс остается один, ему не до демонов такого рода; он объединяется со старым, исконным Сатаной, и они вместе идут в мастерскую Хокинса, чтобы довести до совершенства какое-нибудь изобретение.

Но я ничего не предчувствовал. Я сразу же отправился к Хокинсу, чтобы составить ему компанию.

Когда я подошел к нему, Хокинс не сразу бросился мне в глаза, но зато бросилось нечто другое.

На мгновение мне показалось, что Бюро погоды признало научные достижения Хокинса и построило для него обсерваторию возле сарая. Потом я увидел, что это всего лишь высокая стальная башня с каркасом, на вершине которой установлена ветряная мельница – устройство, с помощью которого многие фермеры качают воду из своих колодцев.

– Ну, – заметил Хокинс, появившийся в этот момент, – вы можете дать этому название?

– Ну, – сказал я, облокотившись на ворота и рассматривая сооружение, – я думаю, что это обычная или хозяйственная ветряная мельница.

– А ваше воображение, как обычно, ошибается, – улыбнулся Хокинс. – Это, Григгс, насос Хокинса без помпы!

– Что! – воскликнул я, выскочив на дорогу. – Еще одно изобретение!

– Не будьте клоуном, Григгс, – проворчал изобретатель. – Это...

– Подождите. Вы заманили меня сюда, Хокинс, с дьявольской целью продемонстрировать эту штуку?

– Конечно, нет. Это...

– Подождите минуту. Она привязана? Не может ли она случайно, внезапно пронестись галопом и упасть на нас?

– Нет, не упадет, – коротко ответил Хокинс. – Фундамент уходит в землю на двадцать футов. Так вы зайдете или нет?

– При данных обстоятельствах – да, – сказал я, снова входя, но не сводя настороженных глаз со стальной башни. – Но не можем ли мы провести день здесь, у ворот?

– Не можем, – кисло ответил Хокинс. – Твой юмор, Григгс, столь же бессмыслен, сколь и ребячлив. Когда ты увидишь, как все фермеры в Соединенных Штатах будут пользоваться этим приспособлением, ты будешь краснеть, вспоминая свои идиотские слова.

У меня возникло искушение сделать замечание о том, что память с большей вероятностью вызовет излишнюю бледность, но я воздержался и последовал за Хокинсом на веранду.

– Когда я строил эту башню, – продолжал изобретатель, размахивая рукой, – я, конечно, предполагал использовать регулирующий насос, получая энергию от ветряной мельницы. Но потом мне пришла в голову идея.

– Вы знаете, как устроен элеватор – ряд ковшей на бесконечной цепи, нанизанной на два шкива, как велосипедная цепь на две звездочки? Очень хорошо. На вершине этой башни я удлинил ступицу ветряной мельницы, чтобы получился вал с большими зубьями. Внизу, на дне колодца, есть еще один соответствующий вал с такими же зубьями. Над ними, как вы видите, проходит непрерывная железная лестница на металлической цепи. Все понятно?

– Наверное, да, – обреченно ответил я. – Продолжайте.

– Ну, это пока все. На следующей неделе придут ведра. Я прицеплю по одному к каждой перекладине цепи или стальной лестницы, подключу механизм и пущу ее в ход.

– Ведра будут спускаться в колодец вверх дном, подниматься с другой стороны наполненными, подниматься на вершину башни, сливать воду в резервуар и снова спускаться вниз. Таким образом, я качаю воду без насоса – другими словами, с помощью безпомпового насоса!

– Просто! Эффективно! Ничего не выходит из строя – ни клапанов, ни поршней, ни воздушных камер – ничего! – триумфально закончил Хокинс.

– Замечательно! – рассеянно сказал я.

– Действительно? – воскликнул изобретатель. – Ну что, Григгс, ты хочешь посмотреть на него сегодня, или мы пробежимся по чертежам моего нового ткацкого станка?

Хокинс также изобрел ткацкий станок. Я не очень разбираюсь в машинах вообще, но кое-что знаю о чертежах, и, насколько я могу судить по чертежам, если бы какой-нибудь рабочий имел глупость войти в комнату с работающим ткацким станком Хокинса, этот замысловатый механизм схватил бы его, затащил внутрь, вымазал и вплел в ткань, и все это примерно за тридцать секунд.

Но объяснить это Хокинсу означало лишь спровоцировать новый конфликт. Я выбрал меньшее из зол – решил исследовать насос без помпы.

– Отлично, – радостно сказал изобретатель. – Пойдемте, Григгс. Ты единственный, кто хоть что-то в этом понимает. Через неделю-другую, когда кто-нибудь напишет об этом в журнале "Научный американец", вы будете гордиться тем, что впервые услышали мое разъяснение этого устройства.

Насос оказался именно таким, каким его описывал Хокинс: узкая стальная лестница, выходящая из черного устья скважины, поднимающаяся к шахте, проходящая над ней и снова опускающаяся в черноту. Когда мы достигли ее края, она была неподвижна, так как воздух был спокойным.

– Вот! – крикнул Хокинс. – Все, что нужно, – это ведра и бак сверху. Эта идея очень близка к реальному исполнению, Григгс, не так ли?

– Большинство твоих идей действительно близки к реальному исполнению, Хокинс, – вздохнул я.

Это прошло мимо ушей Хокинса.

– А теперь посмотри сюда, – продолжал он, наклоняясь над колодцем с невозмутимым пренебрежением к хрупкости человеческого тела и хватаясь за одну из перекладин лестницы. – Просто посмотри вниз, Григгс. Глубина шестьдесят футов!

– Поверю вам на слово, – сказал я. – Я бы не держался за эту перекладину, Хокинс, она может сорваться вместе с тобой.

– Ерунда! – улыбнулся изобретатель. – Шестеренка заблокирована. Она не может двигаться. Посмотрите-ка сюда!

Мужчина действительно вылез на лестницу и встал там. У меня кровь застыла в жилах.

Я ожидал, что Хокинс, лестница и все остальное упадет в воду, и гадал, пошлют ли небеса ветер, достаточный для того, чтобы поднять его, прежде чем он утонет.

Но ничего не произошло. Сам Хокинс стоял и смотрел на меня с торжествующей усмешкой.

– Видите, Григгс, – едко заметил он, – иногда я все-таки кое-что понимаю в своих изобретениях. А теперь, если ваше слабое сердце позволит, я бы посоветовал вам заглянуть сюда. Насколько я знаю, это единственный колодец в штате, построенный полностью из белого плитняка. Просто встаньте на лестницу и посмотрите.

Как несмышленный мальчишка, решившийся на дерзкий поступок, я протянул руку, ухватился за перекладину над Хокинсом и посмотрел вниз.

Безусловно, это был прекрасный колодец. Я никогда не обращал особого внимания на колодцы, но с первого взгляда было видно, что этот – исключительный.

– На прошлой неделе я выложил его плиткой, – продолжал Хокинс. – Видите ли, колодец с плиткой абсолютно безопасен. В кафельном колодце ничего не может случиться, ни...

Это была еще одна ошибочная мысль Хокинса. В этот момент что-то все-таки произошло.

Легкий ветерок запустил ветрянную мельницу. Медленно, эффектно, лестница начала двигаться вниз!

– Ну как же так! – изумленно воскликнул изобретатель, делая тщетные попытки встать на ноги. – Как вы думаете...

В этот момент я думал не о нем. Все мои мысли были сосредоточены на одной большой, ужасной проблеме.

Прежде чем я успел осознать это и ослабить хватку, лестница опустилась достаточно далеко, чтобы вывести меня из равновесия. Проблема заключалась в том, что делать: отпустить лестницу и рискнуть сорваться вниз на шестьдесят футов, или удержаться и воспользоваться многообещающим шансом медленно и невозмутимо уйти под воду.

Я выбрал последний вариант, перемахнул на лестницу и прижался к ней, едва дыша от изумления перед внезапностью происходящего.

– Ну что, Хокинс? – спросил я, переводя дыхание, когда моя голова опустилась ниже уровня этой прекрасной земли.

– Ну, Григгс, – вызывающе сказал изобретатель со второй ступеньки, – наверное, шестеренка соскочила, вот и все.

– Разве не счастье, что это колодец с плиткой?

– Что вы имеете в виду?

– А то, – сказал я, – что колодец с плиткой абсолютно безопасен. В кафельном колодце ничего не может случиться, Хокинс.

– Не мели тут свои дешевые острооты, Григгс, – огрызнулся Хокинс. "Как, черт возьми, мы собираемся спастись от намокания?"

Вниз, вниз, вниз, вниз, вниз шла лестница.

– Ну, – сказал я задумчиво, – в твоих схемах, Хокинс, обычно проваливается дно. Если в ближайшие полминуты из водяного отделения вашего насоса без помпы выпадет дно, все будет замечательно.

– Да, засохни ты! – нервно воскликнул изобретатель. – Боже! Мы уже на полпути вниз!

– Почему бы не подняться? – предложил я.

– Действительно, Григгс, – воскликнул изобретатель, – для такого непрактичного человека, как ты, эта идея просто замечательна! Лезь, Григгс, лезь. Займись этим!

Я и сам считаю, что идея была довольно блестящей. Если лестница спускалась в колодец, то мы могли забраться по ней.

И мы полезли! Боже правый, как мы карабкались! Это была просто перпендикулярная беговая дорожка, и с перекладинами на расстоянии целого ярда друг от друга, по ней было очень трудно ступать.

Каждая ступенька, казалось, напрягала мои мышцы до предела, но мы продолжали подниматься, и мы набирали высоту. Мы были уже в десяти футах от вершины, когда Хокинс окликнул:

– Подожди, Григгс! Эй! Подожди минутку! Да, ей-богу, она остановилась!

Она действительно остановилась. Я заметил, что далеко вверху ветряная мельница перестала вращаться. Лестница была неподвижна.

– О, я знал, что мы выберемся, – заметил изобретатель, вытирая пот со лба. – Я это чувствовал.

– Да, я заметил, что минуту или две назад вы были полностью уверены в этом, – заметил я.

– Ну что ж, давайте, вылезайте, – сказал Хокинс, махнув рукой в ответ на это замечание. – Вперед, Григгс.

Я был слишком рад нашему близкому избавлению, чтобы тратить дыхание на ругань. Я потянулся к перекладине над собой и приготовился вернуться на землю.

И тут произошло странное событие. Перекладина устремилась вверх. Я бросился за ней. В одно мгновение я находился в полумраке колодца, в другое – был ослеплен солнцем.

Слишком поздно я понял, что поднялся выше горловины и стремительно несусь к вершине башни. Все произошло с той жуткой, удивительной внезапностью, которая свойственна изобретениям Хокинса.

Вверх, вверх, вверх, сначала быстро, потом все медленнее и медленнее, пока лестница снова не остановилась, и я не увидел вершину башни.

Лестница услужливо остановилась на этом месте, ведь она могла так же легко сбросить меня с вершины и сломать мне шею.

Я не терял времени, чтобы возблагодарить лестницу. Прежде чем эта проклятая штука снова пришла в движение, я вскарабкался наверх и застыл там, ошеломленный и растерянный.

Хокинс последовал моему примеру, вскарабкался на противоположный конец шахты и устроился там верхом.

– Ну что, – заметил я, когда нашел сравнительно надежное место на основании – сиденье шириной два дюйма и длиной четыре дюйма, – шестерня опять соскочила?

– Нет, конечно, нет, – ответил изобретатель. – Ветряная мельница просто начала вращаться в обратном направлении.

– Это слабенькая, бессильная штучка, ваша ветряная мельница, не так ли?

– Ну, когда я ее строил, я рассчитывал, что она будет поднимать две тонны.

– Вместо этого она подняла двоих – вернее, одного заблудшего человека, который позволил заманить себя в зону ее действия.

– Вот видите, – гневно воскликнул Хокинс, – вы, наверное, вините меня в том, что я заманил вас в эту дыру?

– Вовсе нет, – ответил я. – Я виню тебя в том, что ты слишком далеко завел меня из дыры.

– Не стоит. Если бы не твоя глупость, нас бы здесь сейчас не было.

– Что?

– Конечно. Почему ты не спрыгнул, когда мы проходили мимо устья колодца?

– Мой дорогой Хокинс, – мягко сказал я, – ты понимаешь, что мы пролетели мимо этой точки со скоростью около семидесяти футов в секунду? Почему вы не прыгнули?

– Я не хотел бросать вас, Григгс, – слабым голосом ответил Хокинс, отводя взгляд.

– Это было очень благородно с вашей стороны, – заметил я. – Это раскрывает прекрасную сторону вашего характера, о которой я и не подозревал, Хокинс.

– Достаточно, – коротко ответил изобретатель. – Вы спускаетесь первым или я?

– Вы собираетесь снова довериться все, что в вас есть смертного, этой капризной лестнице?

– Конечно. Что еще?

– Я подумал, что было бы безопаснее, хотя и менее удобно, подождать здесь до возвращения Патрика. Он мог бы поставить для нас лестницу – настоящую, старомодную, деревянную лестницу.

– Да, и когда Патрик вернется, эти женщины вернутся вместе с ним, – запальчиво ответил Хокинс. – Ваша жена придет сюда на чай.

– И что?

– Вы что же, полагаете, что меня застанут здесь застрявшим, как петуха на флюгере? – закричал изобретатель. – Нет, сэр! Вы можете оставаться и выглядеть дураком сколько угодно. А я не останусь. Я сейчас же спускаюсь!

Хокинс осторожно потянулся одной ногой к лестнице. Я посмотрел на него, подумал, не будет ли действительно жестоко бросать его в пропасть, и снова посмотрел вдаль, в сторону леса.

Мой взгляд пролетел около мили, и мои нервы получили новый удар.

– Смотрите сюда, Хокинс! – воскликнул я.

– Ну, что вам еще нужно? – сурово спросил изобретатель, все еще пытаясь встать на ноги.

– Что произойдет, если на эту адскую машину сейчас подует ветерок?

– Во-первых, вы попадете в Царство Божие, – с видимым удовольствием огрызнулся Хокинс. – Ветряная мельница, расположенная прямо за вами, ударит вас по голове с силой, достаточной для того, чтобы вправить мозги.

Я оглянулся назад. Он был прав – во всяком случае, в том, что касается удара.

Огромное крыло находилось точно на линии, чтобы нанести моей незащищенной черепашке потрясающий удар, который, вероятно, оглушил бы меня и, конечно, смахнул с высоты.

– Надвигается сильный ветер! – крикнул я. – Посмотри на эти деревья.

– Клянусь Джиммини! Вы правы! – взвизгнул изобретатель, опрометчиво бросаясь на лестницу. – Быстрее, Григгс. Спускайся за мной. Быстрее!

Когда одно из изобретений Хокинса затягивает вас в свои путы, приходится быстро принимать решение о том, какой способ смерти вы предпочтете. В мгновение ока я принял решение спустить свою судьбу вместе с Хокинсом по лестнице.

Собравшись с духом, я набросился на дрожащий стальной трос, мгновение бешено брыкался, а затем обрел опору.

– Теперь вниз! – крикнул Хокинс снизу. – Быстрее!

Дьявольская ветряная мельница, видимо, услышала его и восприняла это замечание как личный приказ. Она повиновалась в точности.

Когда лифт резко падает, возникает ощущение, что все внутренности борются за выход через макушку головы. Когда эти слова вылетали из уст Хокинса, я испытывал именно такое ощущение.

Цепляясь за лестницу изо всех сил, мы полетели вниз!

Говорят, что за первую секунду камень упадет на 16 футов, за следующую – на 32 и т.д. Мы спустились гораздо быстрее. Ветер налетел на ветряную мельницу, и она изо всех сил затягивала нас обратно в колодец.

Не успел я перевести дух, как мы пронеслись до уровня земли, спустились сквозь устье колодца и устремились вниз, в белесые сумерки.

На этом мои наблюдения прекратились. Со стороны Хокинса раздался булькающий крик. Затем раздался всплеск.

Мои нижние конечности стали ледяными, затем тело и плечи, а потом треснувший лед, казалось, заполнил мои уши, а я все еще цеплялся за лестницу и горячо молился.

Некоторое время я спускался по ревушей, бурлящей воде. Потом мои ноги вырвались из-под воды, и на мгновение я повис только на руках. Но я все равно крепко держался руками за опору и смутно догадывался, отчего мне кажется, что я снова поднимаюсь вверх. Не то чтобы

это имело большое значение, так как я уже давно потерял надежду, но все же я задавался этим вопросом.

И вот, все еще цепляясь за лестницу в смертельной хватке, с бьющимся надо мной Хокинсом, я вынырнул из воды и снова оказался наверху колодца. Мгновение полумрака, снова вспышка солнца – и я кувыркнулся с лестницы.

Я приземлился на траву. Хокинс приземлился на меня. Мокрые, бездыханные, ошеломленные, мы сели и уставились друг на друга.

– Я рад, Григгс, – сказал Хокинс с водянистой улыбкой, – я рад, что у тебя хватило ума удержаться на той ступеньке внизу. Я знал, что с нами все будет в порядке, если ты не отпустишь...

– Хокинс, – злобно сказал я, – заткнись!

– Но... о, Господи!

Я взглянул в сторону ворот. К воротам подъезжал экипаж. Дамы были в кабине. Очевидно, послеобеденная игра в гольф была отложена.

– Ну вот, Хокинс, – злорадствовал я, – можешь объяснить своей жене, откуда ты знал, что у нас все будет хорошо. Она будет сочувственно слушать.

Хокинс с бледной улыбкой произнес:

– О, Григгс!

Миссис Хокинс ахнула от ужаса, когда Патрик направил лошадей в нашу сторону.

Но неважно, что сказала миссис Хокинс. В этой хронике и без того хватает неприятностей. Есть высказывания, которые, если они адресованы кому-то конкретно, лучше не повторять.

Я думаю, что Хокинс испытал на себе практически все, что наговорила его жена по этому поводу. Поэтому пусть этого будет достаточно.

ХОКИНСИТ

В деревне общение между семьей Хокинса и моей происходит на самой неформальной основе. Если нам нравится обедать вместе без пиджаков и манжет, мы это делаем, и никто не допускает мысли, что это может привести к государственному перевороту.

Но в городе все иначе. Жупел строгих приличий, похоже, берет таинственный верх. Мы по-прежнему ужинаем вместе, но в самом приличном вечернем одеянии. Похоже, это неписанный, но непреложный закон, что мы с Хокинсом должны демонстрировать на своих телесах что-то вроде квадратного фута накрахмаленного белого белья.

Не знаю, почему я заговорил об этих вечерних нарядах, разве что потому, что воспоминания о моем новеньком костюме, который в тот вечер перешел в иную жизнь, до сих пор не дают мне покоя.

В тот вечер мы с женой ужинали в доме Хокинсов.

Хокинс выглядел особенно веселым. Было похоже, что он торжествующе посмеивается или испытывает какие-то схожие чувства, а голос его был еще более экспрессивным, чем обычно.

Когда я упомянул об ужасном взрыве на пороховом заводе в Помптоне – вряд ли эта тема способна вызвать веселье у нормального человека, – Хокинс разразился хохотом.

– Но, Герберт, – вскричала его жена, несколько ужаснувшись, – разве есть что-то смешное в расчленении трех несчастных рабочих?

– О, не в этом дело, дорогая, – улыбнулся изобретатель. – Просто мне показалось забавным это старое понятие о взрывчатке.

– Какое старое понятие? – спросил я. спросил я.

– А то, что нынешние методы обращения с нитроглицерином ошибочны.

– Полагаю, у вас есть схема получше? – спросил я.

– Мистер Григгс, – вскричала жена Хокинса с ужасом, который не был притворным, – не вздумайте!

– Понимаете, уважаемый... – начал Хокинс, сразу же напрягшись.

– Тише, Герберт, тише! Ты достаточно натворил бед своими изобретениями, но ты, слава богу, никогда не баловался взрывчаткой.

– А если бы я захотел рассказать вам, что я знаю о взрывчатых веществах и что я могу сделать... – воскликнул Хокинс.

– Не говорите нам об этом, мистер Хокинс, – рассмеялась моя жена. – Меня охватывает какой-то суеверный страх при одной мысли об этом.

– Миссис Григгс! – воскликнул Хокинс, окинув мою жену взглядом, за который любой другой мужчина получил бы от меня самую большую взбучку, но которому, как и многим другим вещам, у Хокинса не было оправдания.

– Герберт! – авторитетно произнесла его жена. – Успокойся. А то ты совсем разволновался!

Хокинс угрюмо замолчал, и трапеза завершилась лишь намеком на сдержанность.

Миссис Хокинс и моя жена удалились в гостиную, а мы с Хокинсом остались, как полагаются, выкурить по сигаре после трапезы. У Хокинса, однако, были другие планы относительно моего развлечения.

– Они на лестнице? – пробормотал он, когда над нами послышались шаги.

– Похоже, что да.

– Тогда ты пойдем со мной, – прошептал Хокинс, направляя меня к лестнице для слуг.

– Куда? – подозрительно спросил я.

В его глазах появился необычный блеск.

– Пойдем, увидишь, – усмехнулся Хокинс, начиная подъем.

– Вот что я вам скажу, – продолжал он, остановившись на второй площадке, – устаю я от этих женщин!

– Правда?

– Да, это так. Не стоит сердиться, Григгс. Дело не в твоей или моей жене. Это все пол. Они болтают, болтают и отпускают глупые шутки о вещах, в которых совершенно не способны разобраться.

– Мой дорогой Хокинс, – сказал я успокаивающе, – вы ошибаетесь насчет прекрасного пола.

– О, я ошибаюсь, да? Ну, какая женщина знает хоть что-нибудь о взрывчатке? – горячо спросил Хокинс. – Динамит, или рексит, или меганит, или карбонит, или стонит, или вигорит, или кордит, или баллистит, или торит, или максамит...

– Остановитесь, Хокинс, хватит! – возопил я.

– Ну, в принципе, это все, – сказал изобретатель. – Но какая женщина знает о них достаточно, чтобы рассуждать об этом разумно? И все же моя жена говорит мне – мне, который почти полжизни провел в научных трудах, – она фактически говорит мне, чтобы я заткнулся, когда я намекаю на то, что хоть немного разбираюсь в этом предмете!

– Я понимаю, Хокинс, но ваши научные труды заставляли ее и меня страдать в прошлом.

– О, да? – ворчал Хокинс, поднимаясь на верхний этаж. – Ну, поднимайтесь, Григгс.

Я уже знал дверь, у которой он остановился. Это была мастерская или лаборатория Хокинса. Она находилась на этаже со слугами, которые, бедняжки, вероятно, не знали или не смели возражать против риска, которому подвергались.

– Что это за странное жужжание? – спросил я, остановившись на пороге.

– Всего лишь мой электромотор, – усмехнулся Хокинс. – Он тебя не укусит, Григгс. Заходи.

– А что это за большой латунный засов на двери? – продолжал я.

– Это? О, это идея! – воскликнул изобретатель. – Это мой новый пружинный замок. Только посмотрите на этот замок, Григгс. Его невозможно открыть снаружи, а изнутри – только тому, кто знает, как его открыть. А я единственный, кто знает. Когда я запатентую эту штуку...

– Ну, я бы не стал закрывать дверь, Хокинс, – пробормотал я. – Вы можете упасть в обморок или что-нибудь в этом роде, а я буду сидеть здесь, пока кто-нибудь не вспомнит, что меня надо разыскать.

– Ба! – воскликнул Хокинс, с силой захлопывая дверь. – Для взрослого мужчины вы самый трусливый человек, которого я когда-либо встречал. Но что толку говорить об этом? Вернемся к взрывчатке...

– О, не стоит говорить о взрывчатке, – устало сказал я. – Вы правы, и на этом можно остановиться.

– Видите ли, – резко сказал Хокинс, – у меня не было намерения упоминать о взрывчатке сегодня вечером по определенной причине. Через день-два вы услышите, как по всей стране будет звучать мое имя в связи со взрывчаткой. Но раз уж речь зашла об этом, то, если вы захотите послушать меня несколько минут, я вас очень заинтересую.

Боже правый! Мог ли я тогда осознать всю горькую правду этих последних слов!

– Да, сэр, – продолжал изобретатель, – как я уже говорил... или мне показалось?... у всех есть свои недостатки – динамит, рексит, меганит, карбонит, стон...

– Вы уже перечисляли этот список.

– Ну, у них у всех есть свои недостатки. Они либо взрываются, когда не надо, либо не взрываются, когда надо, либо могут взорваться самопроизвольно, либо что-то еще. Все это, как я неизменно утверждаю, связано с использованием нечистого нитроглицерина или с ненаучным обращением с чистым веществом.

– Да.

– Да, действительно. Теперь, что бы вы сказали о взрывчатке...

– Абсолютно ничего, – решительно ответил я. – Я бы прошел мимо нее, даже не взглянув.

– Не забивайте голову своими глупостями, Григгс. Что бы вы... что бы вы подумали о взрывчатке, которую можно сбросить с крыши дома и она не детонирует?

– Поразительно!

– Взрывчатка, – внушительно продолжал Хокинс, – в которую человек мог бы бросить зажженную лампу без малейшего страха! Какое впечатление это произведет на вас?

– Ну, Хокинс, – сказал я, – я думаю, что у меня должны быть серьезные сомнения в психическом состоянии этого человека.

– Да бросьте вы эти глупости, – огрызнулся изобретатель. – Я вполне серьезен. Предположим, я скажу вам, что долго думал над этой проблемой и в конце концов пришел к идее создания именно такого пороха? Где бы тогда были динамит, рексит, меганит и все остальные, кроме...

Он сделал театральную паузу.

– Хокинсита!

– Не знаю, Хокинс, – сказал я, не в силах унять его энтузиазм. – Но давайте благодарить Бога, что это пока только идея.

– О, но это не так! – вскричал изобретатель.

– Хокинс! – завопил я, вскакивая на ноги. – Как это понимать?

– Я имею в виду вот что – вы видите этот маленький чан в углу?

Я с ужасом уставился в указанном направлении. И действительно, увидел маленький чан. Он стоял, наполовину заполненный липкой кашицей, в которой медленно вращалась мешалка, приводимая в движение электромотором.

– Это Хокинсит в процессе производства! – объявил изобретатель.

Меня охватил леденящий душу ужас. Я инстинктивно направился к двери.

– О, вернитесь, – сказал Хокинс. – Вы все равно не сможете выйти, пока я не отопру замок. Но это не опасно, мой дорогой мальчик. Просто присядьте, и я объясню вам, почему.

Мне не оставалось ничего другого, как сесть – из-за необычной слабости в коленях стоять в данный момент было невозможно. Я придвинул свой стул к противоположному углу комнаты и сел на него, не отрывая глаз от чана.

– Когда все эти парни занимаются нитрацией глицерина, – невозмутимо говорил Хокинс, – они просто упускают из виду научный принцип, который открыл я. Например, в Помптоне чан взорвался в самом процессе смешивания глицерина. Именно это и происходит сейчас в том углу...

– Ой! – невольно воскликнул я.

– Но здесь этого не произойдет, здесь этого не может случиться, – заявил изобретатель в раздражении. – Я использую совершенно другую комбинацию химикатов. Если бы у вас, Григгс, были какие-то проблемы такого рода, то содержимое этого чана уже начало бы зеленеть. Но как вы видите...

– Хок... Хокинс! – хрипло проговорил я, указывая дрожащим пальцем на машину.

– А сейчас что?

– Смотри! – удалось выговорить мне.

– О, Господи! – фыркнул изобретатель. – Наверное, как только я это сказал, вы начали видеть, как появляются зеленые оттенки, да? Боже мой!

Хокинс быстро отошел в сторону от своего миксера. Затем он отошел от него с гораздо большей поспешностью.

Тут уж ничего не поделаешь – дьявольское месиво в чане приобрело заметный зеленый оттенок!

– Что ж, пожалуй, я отключу питание, – пробормотал Хокинс, сообразуя действие со словом.

– Когда мешалка остановится, Григгс, масса сразу же остынет, так что можете не беспокоиться.

– Если она не остынет, она взорвется? – вздрогнул я.

– О, так и будет, – довольно нервно признал Хокинс. – Но как только перемешивание прекратится, исчезнет слабый цвет, как вы и видите.

– Я этого не вижу; мне кажется, что он становится еще более зеленым, чем раньше.

– А вот и нет! – бурно возразил изобретатель. – Через пять минут эта штука снова станет ровного коричневого цвета.

– А пока он вновь приобретает ровный коричневый цвет, почему бы не убраться отсюда? – с нетерпением сказал я.

– Да, пожалуй, можно, – сказал Хокинс с готовностью, которая не желала скрываться под его напускной медлительностью. – Вперед, Григгс.

Хокинс повернул рычаг на своем причудливом замке, снова произнеся:

– Вперед.

– Ну, открывай же дверь.

– Да что же это такое? – пробормотал изобретатель, несколько раз повернув рычаг туда-сюда.

– О, Боже правый, Хокинс! – простонал я. – Неужели и ваш замок отказал напрочь?

– Нет, это не так. Конечно, нет, – прорычал изобретатель, дергая за рычаг с неистовой энергией. – Заело... немного заело – вот и все. Видите на столе отвертку, Григгс?

Я как можно быстрее передал ему инструмент, отметив при этом, что, несмотря на прекращение перемешивания, Хокинсит с каждой секундой становился все зеленее.

– Я просто сниму его, – пыхтел Хокинс, копаясь над одним из винтов. – Сейчас нет времени возиться с ним.

– А зачем? Ведь опасности нет.

– Конечно, нет. Но ты... ты, кажется, немного нервничаешь из-за этого, Григгс, и...

– Хокинс, – закричал я, – что это за пузырьки красного газа?

– Какие пузырьки? – Хокинс повернулся, как будто в него выстрелили. – Великий Скотт, Григгс! Ведь не было никаких пузырьков красного газа, поднимающихся из этого материала, не так ли?

– Ну вот, опять, – сказал я, указывая на чан, из которого только что поднялся новый поток алых паров. – Что это значит?

– Что значит? – вскричал Хокинс, побелев и задрожав всеми конечностями.

– Да, значит! – повторил я, тряся его. – Значит ли это, что...

– Это значит, что проклятый материал все-таки перегрелся. Господи! Господи! Как же это произошло? Должно быть, какая-то примесь. Что-то...

– Неважно, что именно. Что он может сделать?

– Оно... оно... о, Боже мой, Григгс! Оно разнесет этот дом на десять тысяч кусков в течение двух минут! По моим расчетам, в этом маленьком чане достаточно энергии, чтобы снести Бруклинский мост. В таком количестве Хокинсита достаточно взрывчатки, чтобы разрушить все офисные здания в городе!

– И мы заперты здесь с ним!

– Да! Да! Но позвольте же нам...

– Так! А если я пушу воду в эту штуку?

– Не надо! – дико закричал изобретатель, колотя кулаками по двери. – Она отправит нас в рай, как только соприкоснется! Не стойте, Григгс! Помогите мне разбить эту дверь! Мы должны

выбраться, парень! Мы должны вывести женщин! Мы должны предупредить соседей! Разбей ее, Григгс! Разбей ее! Разбейте дверь!

– Хокинс, – покорно сказал я, когда злобное шипение возвестило о появлении огромной струи красного газа, – мы не справимся за две минуты. Лучше не привлекать своим шумом остальных домочадцев. Они могут разбежаться. Стойте!

– И остаться здесь и быть взорванным? – вскричал Хокинс. – Нет, сэр! Уходим!

Он схватил табуретку и с силой ударил по обшивке. Она разлетелась на куски. Он снова поднял табуретку, и я услышал торопливые шаги снизу. Я открыл рот, чтобы крикнуть предупреждение, и...

Не знаю, смогу ли я точно описать свои ощущения, настолько яркими они были в тот момент.

Какая-то непреодолимая сила подняла меня с пола и понесла к полуразбитой двери. Я смутно отметил, что то же самое произошло и с Хокинсом. На какую-то долю секунды мне показалось, что он парит в воздухе в горизонтальном положении. Затем я почувствовал, как моя голова ударилась о дерево, дверь разошлась, и я вылетел через проем.

Я увидел перед собой коридор; помню, как со смутным удивлением заметил, что газовый фонарь погас как раз в тот момент, когда он бросился мне в глаза. А потом страшная вспышка ослепила меня, грохот десяти тысяч пушек, казалось, расколол мой череп... и все.

Глаза мои открылись в гостиной Хокинсов – или в том, что от нее осталось. Наш семейный врач старательно наматывал повязку на мою правую лодыжку. Важный юноша в форме хирурга скорой помощи с веселым безразличием зашивал часть моего левого предплечья.

Мой новенький костюм, как я заметил, потерял всякое подобие вида одежды – меня, лежащего на кушетке, накрыли рваной портьерой.

В квартире было странно темно. Тут и там стояли фонари, такие, как используются пожарными. В тусклом свете я увидел фигуру полицейского, который стоял на цыпочках на атласном стуле и затыкал мылом сломанную газовую трубу, которая когда-то питала люстру Хокинса.

Потолок обрушился. Стены в огромных пятнах были оголены до реек. Окна исчезли, и по комнате гулял холодный ночной ветер.

Ни одной безделушки не было, хотя то тут, то там в массе штукатурки на полу поблескивали кусочки стекла и фарфора, которые когда-то могли быть частями украшений. Хокинс, очевидно, оказался не таким мощным, как предполагал его изобретатель, но в нем, несомненно, было достаточно силы, чтобы сдуть с банковского счета Хокинса около десяти тысяч долларов.

С улицы доносился рокот толпы. Я повернул голову, и мой взгляд упал на двух пожарных в коридоре. Они тащили откуда-то сверху шланг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.